

ГЛЯДИ, КАКИЕ КЛОУНЫ!

Ольга ВОЛКОВА:

Название я объясню — ладно? А сначала о Славочке — платное. Он потрясающий клоун и потрясающий человек. Если он только мигнет, я помечусь за ним на край света. Даниил Лисер, знаменитый театральный художник, сказал о нем, что он — тень, потому что придумал себе героя, равного которому после Чаплина в клоунаде не было. (На мой вкус, это даже интереснее, чем Чаплин). О клоунах так возмущенно говорить не принято, но чем черт не шутит? А вдруг Полуни действительно гений?

Мы познакомились лет 25 назад. Я посмотрела его спектакль и зарыдала — потому что увидела театр своих слов. Я не спала всю ночь, меня колотило. Так же меня колотило от репетиций Эфроса. От "Короля Лира" Шекспировского мемориального театра. Театр потрясал меня, если я могу позволить себе остаться в нем зрителем. Слава подарил мне эту роскошь. Я ошалела! Была как громом пораженная! Я оставалась на спектакле зрителем, а как профессионалу мне хотелось быть "чем-то" при этом деле.

Я пошла к ним за кулисы. Когда спектакль нравится, от артистов просто не уйти. Начинаешь понимать зритель-поклонник: бедные, как их вечно шугают у служебного подъезда. Увидев Славу и его актеров за кулисами, я окончательно в них влюбилась.

Там царил прелестное "шари-вари", кто-то пил чай, кто-то — пиво, звучала музыка, кто-то танцевал, крутилось видео (они привезли его из какой-то страны, когда его еще ни у кого здесь не было, и смотрели постоянно — больше всего клоунаду и трюковую комедию). Потом вдруг Слава выскочил к стеночке и стал пробовать шаг. Ребята к нему притронулись. Потом они стали показывать свои "Бяки" — зарисовки к новым номерам. Причем все делали для всех. Отгадывали, корректировали, запоминали. Затем Слава как лидер, как человек, наделенный волевым и режиссерским началом, это все закреплял. Идею дарили тому, у кого лучше получалось. Они радовались чужому успеху. Они все время смеялись. Маски и номера театра "Лиседей" Полуни по крупицам, долго собирал как раз из этих "Бяк". Придя к ним за кулисы после спектакля, я оказалась в ситуации нового спектакля. Жизнь продолжалась, что и потрясло меня до глубины души. Ни усталости от работы, ни усталости друг от друга. Естественно, желание не расставаться. Потому что мы одной кровью, "нам хорошо вместе". И так осталось до сих пор.

В нем нет муки драматического театра, понятия, что работа закончена: последний прогон, премьера, просмотр критиками, когда ты стараясь выдать "на гора", а затем уже совершенствовать детали. У Славы в театре ничего этого не было и нет. И слова богу. Понятия "плохо" и "хорошо" у Славы не получилось сегодня, завтра будет лучше. В них нет страха этой наледи, которую нужно напрова. Робости перед администратором, экзаменационного ужаса — сдать и получить оценку. У них есть право на ошибку. Они опущаются в тупик — а потом выходят из него с улыбкой. Они не делают из этого трагедии. Отрицательный результат — тоже результат. Их театр — способен жить, думать, ощущать этот мир. Они свободные. А мы, драматические, извините, артисты? Вся жизнь проживаем в комплексах, опущаем себя в свинальниках, даже когда их нет. Пролетаям литры крови зря, а уж нервная система совершенно расшатана.

В клоуновском мире — все по-другому. Свой ритуал. Свои тайны и правила. Хотя тайн уже нет, все трюки известны. У них просто своя компания, своя тусовка. Они ездят смотреть друг на друга, знают, у кого как обстоят дела по всему миру. Они много друг у друга берут, и это не считается воровством: бери, делай, никто тебе руб не выкрутит. В конце концов у Чаплина украдено все. Главное — подуть так, как этого не делал никто. И у Славы много украдено, хотя бы потому, что много и талантливо придумано. Но главное ведь не брать, а делать. Главное — как сделать, куда идти. Куда идет Полуни, надо спросить у него самого. У меня ощущение, что он оставил позади — и давным — нас всех. По крайней мере, драматический театр он обогнал уже лет на 15. Он, мне кажется, изобрел целое направление в клоунаде. Как когда-то Чаплин, Марсель Марсо. Но то, что он делает сейчас в Англии, увело его так далеко вперед, что я даже в самых смелых мыслях не могла представить.

В нем всегда была сумасшедшая энергетика. Озорной, веселый, отчаянный, он был брофидом, на котором квасилось в "Лиседей" все. При этом он был тираном и вел своих актеров по жизни и по профессии очень жестко. Фантастический трудоголик, он и их вынуждал быть такими. Они от этого уставали. Потом они выросли, это была уже не массовка, не групповка. Каждый из них обрел собственный удельный вес. Раскол произошел, как это бывает всегда: они решили, что могут и без него. Сейчас, глядя на бывших "Лиседей" и на Славу, я понимаю, что он был прав. Я люблю их по-прежнему и без Славы, но не могу не замечать, что они остались на том же уровне, а Слава ушел так далеко, что отсюда не видно.

Еще тогда, в первый раз, я поняла, что это "мое". Я мечтала ради такого "лишедейства" отказаться от драматического театра. Не задумываясь. Я сказала Славе, что хочу себя попробовать в новом качестве. Буду, как все, выплывать техническую работу, шить костюмы, хочу жить с ними на равных, заработать это право и буду придумывать себе маску. Он, мудрый человек, на это мне ничего не ответил. Наверное, чувствовал, как и я почувствовала, что мне это пока "не по соплям". Довольно скоро я пришла к нему и извинилась, сказав: "Ты столько лет потратил за право жить этой жизнью, расшвыряешь в кровь, пройдя через сопротивление, что мне прощится к тебе бесовство. Ты уже так живешь и примазываться к тебе даже в хвост — бесполезно. Поэтому снимаю все вопросы". Он и тут промолчал. Будто дал мне то самое право на ошибку. Я поняла, что при этом следует улыбаться, но получилось с трудом.

Попытаться переменить жизнь мне всегда не давали пути семейные. Вахта. Ростропович как-то замечательно сказал о Вишневской: "Она несет вахту жены". Вот и я — всегда несла вахту. Я всегда знала: никто из моей семьи не должен страдать от того, что я актриса. Таковы были традиции моего, кстати, абсолютно актерского дома. Я понимала, что не имею права сорваться в никуда. Но и Слава тогда, по-моему, не готов был мне ответить.

Понаблюдав за тем, как он работает, я наконец поняла, почему мне так плохо и так отчаянно скучно в театре. Мне надоело бессмысленно мастерить. У меня еще не иссяк кураж, а приложить силы было некуда. Если считать, что у обычного актера — талант эмоционировать, то у меня, я чувствовала, их два. Я слышала, как кто-то уже скрежет лодкой по дну, а у меня запаса еще ой-ей-ей. Могла сыграть в спектакле лучше всех, но было стыдно — и неинтересно. Я уговаривала партнеров сочинять вместе. Могла прыгнуть одна, но билась, чтобы это было вдвоем. Потому что большего удовольствия, чем играть вдвоем, нету. Я воспитана в "упряжке". И Слава рассматривает театр только с этой позиции. Надо видеть, какой он партнер: деликатный, тонкий, обожающий, обрамляющий.

Меня не устраивал драматический театр, но и я его, наверное, не устраивала, моя безразличность — всяческая, эмоциональная, энергетическая. Хотя и в кино было то же. Когда я говорила режиссеру, что у меня есть три варианта роли, он махал на меня рукой: "Боже упаси! Спасибо за один, что уж вы нас так балуете!". Это воспринималось как странность, раздражало. Когда в БДТ ставили спектакль приехал знаменитый Эрвин Аксер из Польши, он от меня тоже пархнулся. Я поняла: уже насистела. В уши надули, что от Волковой лучше держаться подальше, а то она вопросы задает и поговоришь любуит. А я просто хотела понять, как мне играть свою роль. Не люблю вопросов, — отрезал Аксер. И мне пришлось "заплывать" одной. Однажды мне надо было забрать у него экземпляр пьесы. Но чтоб уж совсем его не пугать, пришла к нему, закрыв рот лейкопластырем крест-накрест, — и он понял, что я уже не раскрою рот никогда. Кажется, я испробовала вариантов 25, но чувствовала — все не то, и справилась с ролью только на генеральной, когда Аксер мне все-таки попросил — взять, не просите верхнее "си", а "си беклар", опущите диссонанс. Потом мы помирились, он извинился, целовал мне руки, а я не могла забыть, как чуть не умерла на сцене. И зачем надо было так мучиться?

Вот этой муки у Славы никогда не было. Счастье — в муках. В свободе пробовать, искать, от чего-то отказываться, к чему-то возвращаться и оставаться при этом собой. В Славе нет нашего профессионального рабства: страха, что не поймут, зависимости от того, кто как мигнет или кашляет. Он должен быть доволен сам. Я на каждом спектакле ставила себе планку, которую должна была преодолеть. А если не получалось? Эта мука длилась на глазах у зрителя. А если у меня температура или мне нездоровится? У меня есть опыт, масса технических приемов, которыми можно воспользоваться. Вместо этого — мускульная, усилием воли работа, истязание себя во имя того, чтобы

"Кисьякина"

Уверены, его знают даже те, кто не знает. Кому угодно покажите его фотографию — вам улыбнется в ответ и без зашишки произнесет пароль: "Детегтива, кино, асией!"

Вячеслав Подуни — знаменитый клоун и мим, "наш человек" в Англии, который бывает теперь в Москве и Петербурге проездом. Автор очаровательных клоуновских номеров, реприз, масок, геросов, спектаклей. Создатель нашумевшего в 80-е театра "Лиседей". Вдохновитель "Каравана мира", международного фестиваля уличных театров, когда-то ошарашившего обе российские столицы, а затем пропавшего вое Европу.

Рассказывает о нем Ольга Волкова — актриса не просто замечательная, но еще и причастная к Великой Клоуновской Ганге. И, честное слово, рассказчица и ее герой друг друга стоят!

"было не просто хорошо, а замечательно". Вот это — идиотизм, раболопство, лакейство. Все время контроль, хлыст в руке. Либо сам себе хлещешь, либо хлещешь, что тебя кто-то ударит. Это не дает радости, свободы. Если артист добросовестный, не зевает, не забывает текст — надо включать технику, а не наливаться слез. Надо дышать! Даже когда что-то не получается. Поэтому я очень люблю коллегам-артистам перед началом спектакля сказать: "Я желаю вам сыграть с удовольствием".

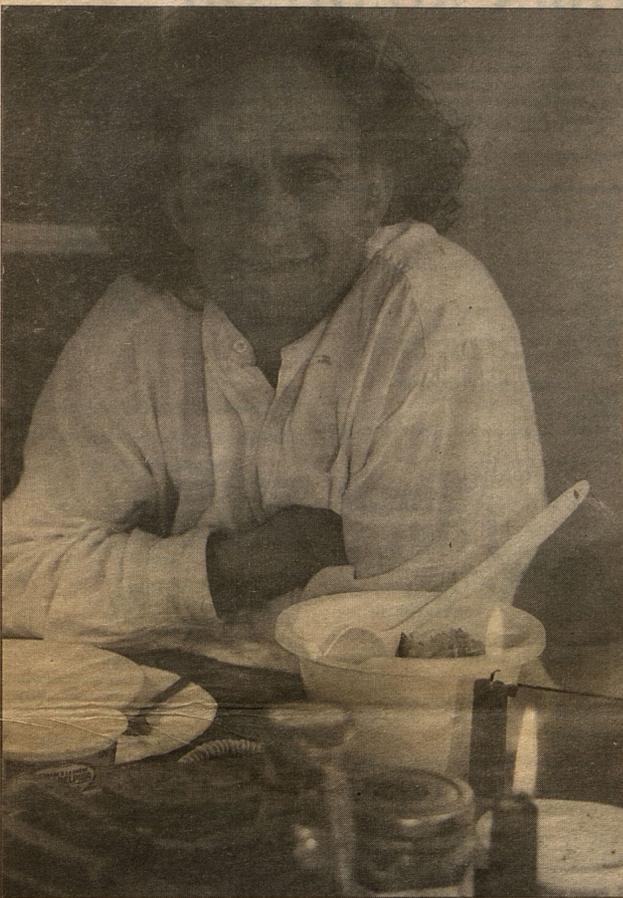
И вот, много лет спустя, случай снова сводит нас с Полуниным на "Золотом Остале". Как же всегда больше москвичей, чем петербцев. Выгляделось, в него мертвой хваткой и начинаю излагать заветные идеи — про любимый жанр, про сращивание мелодраммы с клоунадой, про параллельное существование (это когда артист не просто "докладывает" роль, а дает понять зрителю: то, что он говорит, не всегда то, что он чувствует), а про свой любимый театр — не сюжетный, а атмосферный. К этому времени мне уже смертельно скучно играть в плоскостной театр, существовать в пьесах, где я все про себя выговариваю в словах, где нет объема и воздуха. Именно тогда я стала мечтать о ролях без слов, где есть возможность, как говорят артисты, "ползать вдоль задника". С радостью "ползала"! Это очень вредная работа, но я ее обожаю. Сочиняла — то "круглый театр", где бы зрители сидели со мной за столом, то с детьми — "театр коллективного рассказа", то вдруг представляла себе "театр спиной": открываются занавес, и зритель видит только спины актеров, они так спинами и играют весь спектакль. Это реально, уверяю вас.

Мне все время хотелось соединить реальный монолог на сцене с мысленным. Вот представьте себе: семейная пара с большим стажем, чувства на излете, но инерция отношений велика; уже все ясно, но один из двоих все еще не сдается. Тогда историю можно выстраивать и на уровне текста, и на уровне чувствования. И вдруг мне Слава говорит: "А знаешь, я тоже об этом думал". И излагает мне идею одного спектакля по фольклору, на двоих, мужчине и женщине, и предлагает: "А чего бы нам, Ольга, не попробовали вместе?" Все-таки я угадала — в те годы еще не было, но зевает, не забывает текст — надо включать технику, а не наливаться слез. Надо дышать! Даже когда что-то не получается. Поэтому я очень люблю коллегам-артистам перед началом спектакля сказать: "Я желаю вам сыграть с удовольствием".

Экран 4 сцена —

ГЛЯДИ, КАКИЕ КЛОУНЫ!

макатуха"

Тенью его каблук — с радостью. Мне и сейчас странно, что такие люди, как он, еще встречаются. Он живет, ни на миг не позволяя себе "ложь в материале". Для меня это понятие, услышанное от художника, очень много. На языке театра это значит — неверное распределение ролей, например. Или братья за то, чего не понимаешь, что для тебя неогранично. Делушу Ленина накупывать из джема. Или из гривы шить костюмы для володелов. Знают не чувствовать фактуры, не понимать жанр — в сущности, не обладать вкусом. У Славы — чутье на эту самую "ложь". Он — как птица Джонатан: интуитивно вырывает в совершенно ладные от нас пространства. Угадать, о чем он сейчас думает, невозможно. Он одинок и бьется смертельно. Но он дышит свежим воздухом. Он не позволил себе в этой жизни заниматься ничем другим, кроме обожаемого дела. В этом его сила. Все при этом подтянуто к делу: семья всегда с ним, Лена и трое сыновей, Пашка, Димка и Ванька. Лена у него — гениальная баба: тихая восточная девушка (смесь якутской и еврейской крови), на самом деле форменный ураган. На ней пресса, компьютер, расписание всех стран мира, визы, билеты, аэропорты, административно-директорско-бухгалтерский учет. И при этом все время поет и улыбается. И не раздражается. Они оба все время смеются. Не хочотч, а смеются. Мама мне в детстве говорила: "У тебя улыбка губ как у клоуна". Они у меня давно опустились. А у Славы — нет. Занятыми кверху так и торчат. Он избегает плохих эмоций. Он никогда не касается тем, которые могут ранить. Например, болезней. И это замечательно. В нем как в художнике достаточно и болезней точек, и совести, и сострадания, чтобы без пользы не перегружать себя и не разрушать. Он многое гасит сознательно, потому что "выпадает сюжетом". По-русски же надо объяснять, чтобы у человека глаза из орбит вылезали. Зачем?!

Он таскает на себе свой дом, как улитка. С ним всегда его книги, тяжеленные альбомы по искусству. Видеотека — огромная. Фонотека — триста дисков с музыкой, которую он сам подбирает. Он все подбирает. Уж на что я умею вершки и корешки прихватывать, но с ним все время проскакиваю мимо. По дурацкой привычке: хочешь что-то договорить, а он уже летит дальше.

Мне с ним как-то зашли в музей, где пролазились старые театральные костюмы. И он купил настоящий костюм Станареля — белый, с басонкой, с надутой грудью — все честь по чести. За бешеные деньги купил.

Экран 1 сцена —

"Слава, зачем?!" — "А может быть, я когда-нибудь для Ваньки (это младший сын) поставлю спектакль? Ты знаешь, он уже такие блямки делает". О! Этот даст обим родителям прикурить. Он уже и сейчас Славу "кидает" так, что папа не может опомниться от изумления. Недавно покрасился в красный цвет и курил себе красивые очки: не потому, чтобы оглядывались, а самому интересно. Дикий человек, никогда не улыбается, абсолютно недоступен для общения. Очень похож на Славу. Уровень находчивости и изобретательности невероятный. Как, впрочем, и трогательности. Слава смотрит на него с нежностью. Хотя и гоняет по сцене безбоязненно. Хотя и гоняет по сцене безбоязненно.

Он вообще нежный человек, но не витает в облаках. Он не романтик, он реалист. Гениальный администратор, гениальный казначей. Все просчитывает — и стратегически, и тактически. Он "знает плавать", как говорят евреи. Он знает, на что поставить, чтобы получить результат, чтобы заработать деньги. — и при этом остается художником, творцом, думая о том, как бы эти деньги его не задушили, как бы отняли себе возможность для экспериментов. Ему как-то предложили головной контракт на Бродвей и туры по всей Америке, но он отказался, боясь потерять свободу.

Вообще-то он может работать везде. Россия стала его забывать, к сожалению, а Англия его обожает. У него там уже свои фаны. К нему приезжают из Парижа, прилетают из Америки, из Нью-Йорка, прилетают из Англии в Париж, узнав, что он там выступает. И не случайно он осел именно в Англии, откуда бежали лучшие актеры — по той же вине, что у нас. Это был его потрясающий расчет. Конкретная ситуация в Англии, может быть, и неважная, но осталась культура и тоска по культуре. И не случайно он привел своих клоунов не в шапито, а в настоящей театральный зал. И премия на Эдинбургском фестивале он получил как театральный коллектив — думаю, для него это важно. Для него клоунада — это не то, что на потребу публики. Это фантастическая реальность, искусство, которое древнее и богаче всех остальных. И талант, данный ему от бога, он отточил умом и волей. Он не ищет простым путем. Он исключает всякую охладительную реакцию, убирает всякое умиление, избегает давить на жалость.

Я видела в финале его представления, как взрослые и старые люди визжали от восторга, гоняли шары, которые им скидывали с колонок, а переодетый уже Славочка, никем не узнаваемый и не замеченный, пробираясь в зал, попищал там пивко и, по лицу видно, был абсолютно счастлив. Слава — минималист, он достиг такой завидной степени мастерства, что для достижения нужного эффекта может обойтись самыми простыми техническими средствами. Я смотрела его спектакль "Сноу-шоу" раз 50 — им не настало, по нему скучаешь, от него невозможно устать. Легкая прозрачная конструкция и вся навеской светится. Это каждый раз импровизация, хотя все выверено до мелочей. Ничего случайного у него быть не может. Даже снежинки и него падают на сцене как-то особенно, кружась вокруг своей оси. Уж в Англии-то им предлагали "снежные машины", нет, они эти снежинки режет вручную — чтобы сохранить "угол падения". Даже цвет своего костюма, солнечно-желтый, он каждый раз шьет сам, хотя их у него перебивало уже штук сто. Только на одном представлении он их меняет несколько, потому что совершенно вымокает от пота. Спектакль для него — колоссальная энергетическая за-

траты, он теряет за это время килограмма четыре, не меньше.

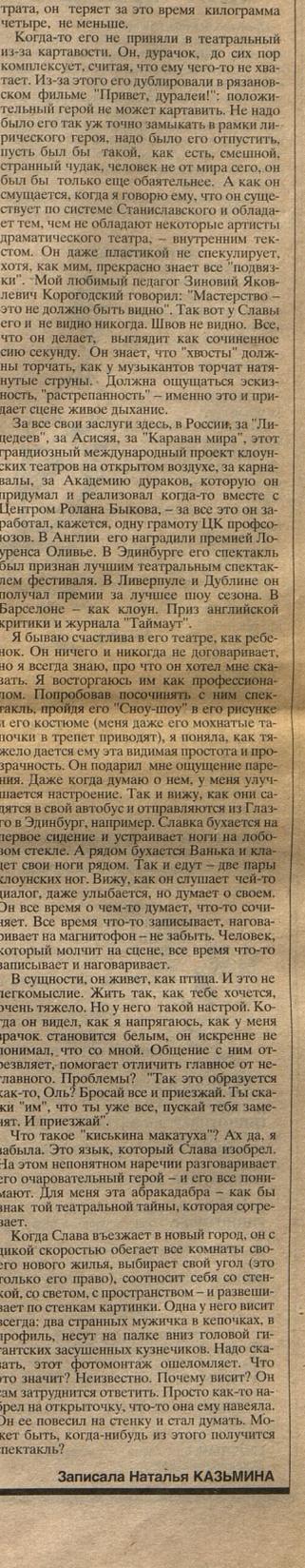
Когда-то его не приняли в театральный из-за картовости. Он дурачок, до сих пор комплексует, считая, что ему чего-то не хватает. Из-за этого его дублировали в рязановском фильме "Привет, дурачки!": положительный герой не может картовать. Не надо было его так уж точно замыкать в рамки личностного героя, надо было его опустить, пусть бы такой, как есть, смешной, странный чувак, человек не от мира сего, он был бы только еще обаятельнее. А как он смущается, когда я говорю ему, что он существует по системе Станиславского и обладает тем, чем не обладают некоторые артисты драматического театра, — внутренним текстом. Он даже пластикой не спекулирует, хотя, как мим, прекрасно знает все "подъязыки". "Мой любимый педагог Зиновий Яковлевич Корогоцкий говорил: "Мастерство — это не должно быть видно". Так вот у Славы его и не видно никогда. Шовов не видно. Все, что он делает, выглядит как сочиненное сию секунду. Он знает, что "хвосты" должны торчать, как у музыкантов торчат натянутые струны. Должна окупаться эскизность, "растрепанность" — именно это и придает сцене живое дыхание.

За все свои заслуги здесь, в России, за "Лиседей", за Асисю, за "Караван мира", этот грандиозный международный проект клоуновских театров на открытом воздухе, за карнавалы, за Академию дураков, которую он придумал и реализовал когда-то вместе с Центром Ролана Быкова, — за все это он заработал, кажется, одну грамоту ЦК профсоюзам. В Англии его наградили премией Лоуренса Оливье. В Эдинбурге его спектакль был признан лучшим театральным спектаклем фестиваля. В Ливерпуле и Дублине он получал премии за лучшие шоу сезона. В Барселоне — как клоун. Приз английской критики и журнала "Тайм". Я бывало счастлива в его театре, как ребенок, но я всегда знаю, про что он хотел мне сказать. Я восторгаюсь им как профессионалом. Попробовав познакомиться с ним спектакль, пройдя его "Сноу-шоу" в его рисунке и его костюме (меня даже его мохнатые тапочки и трепет привоят), я поняла, как тяжело дается ему эта видимая простота и прозрачность. Он подарил мне ощущение парения. Даже когда думаю о нем, у меня улучшается настроение. Так и вижу, как они садятся в свой автобус и отправляются из Глазго в Эдинбург, например. Слава бьется на первое сиденье и устранивает ногу на лобовом стекле. А рядом бьется Ванька и кладет свои ноги рядом. Так и сидят — две пары клоуновских ног. Вижу, как он слушает твой диалог, даже улыбается, но думает о своем. Он все время о чем-то думает, что-то сочиняет. Все время что-то записывает, наговаривает на магнитофон — не забыть. Человек, который молчит на сцене, все время что-то записывает и наговаривает.

В сущности, он живет, как птица. И это не легкомыслие. Жить так, как тебе хочется, очень тяжело. Но у него такой настрой. Когда он видел, как я напрягаюсь, как у меня зрачок становится белым, он искренне не понимал, что со мной. Общение с ним отрезвляет, помогает отличить главное от неглавного. Проблемы? Так это образуется как-то. Ой! Бродяй все и присаживай. Ты скажи "им", что ты уже все, пускаяй тебя заменят. И присаживай!

Записала Наталья КАЗЬМИНА

макатуха"

Экран 2 сцена —